

Что сказать мне о жизни, что оказалась длинной?
Только с горем я чувствую солидарность.
Но откуда мне рот не забила глиной,
Из него раздаваться будет лишь благодарность.

Иосиф Бродский

Русская мысль. - Париж - 1996. - 15 февр. -

ПРОЩАНИЕ С ПОЭТОМ

с. 12

сать о нем. (...) На сегодняшний день это для меня абсолютно естественная среда. Перефразируя Александра Сергеевича, Нью-Йорк — это мой огород. Выходишь на улицу в туфлях и в халате". Это из беседы с Петром Вайлем ("Пересеченная местность").

О Нью-Йорке Бродский написал всего два стихотворения, оба мрачнейших. Но для всех, чья дорога в Нью-Йорк по странной прихоти судьбы шла через Рим (ставший навсегда для многих из нас второй родиной), существуют несравненные "Римские элегии", наши стихи, — чтобы во дни сомнений, во дни тягостных раздумий, да и в веселые дни разделить с поэтом его воспоминание:

Я был в Риме. Был залит
светом. Так,
как только может мечтать
обломок!
На сетчатке моей — золотой
пятаяк.
Хватит на всю длину потемок.

Бродский работал над проектом создания Русской академии в Риме (подобно существующей Американской академии). В октябре прошлого года он встретился по этому поводу с мэром Рима и получил его согласие и заверение в поддержке. Если проект претворится в жизнь и если осуществится так, как мечталось Иосифу, талантливые художники, архитекторы, поэты из России смогут приезжать в Рим этак на полгода и промывать свои глаза счастьем.

На похороны приехали близкие Бродскому люди из многих стран — из Италии, Англии, Франции, Германии, Голландии, Польши, Чехии и, разумеется, из России; среди них друзья всей жизни — поэты Евгений Рейн и Александр Кушнер. 1 февраля в церкви Благовещения, неподалеку от дома, где поэт прожил последние два года с женой и дочерью, состоялась траурная церемония. Были исполнены столь любимые им "Месса" Гайдна, "Дидона и Эней" Перселла и популярная песенка времен гражданской войны в Америке. Александр Сумеркин прочел два новых стихотворения Иосифа Бродского — "Бегство в Египет (2)" и "Aege peregnius" — из сборника, который выйдет весной под названием "Пейзаж с наводнением" в издательстве "Ардис".

День похорон пришелся на Сретенье (по старому стилю), и замечательное стихотворение "Сретенье" было прочитано в этот день дважды: Львом Лосевым на описанной церемонии и позднее священником о. Михаилом Аксеновым-Меерсоном после литургии в русской православной церкви Христа Спасителя.

Гроб с телом поэта помещен в склеп на кладбище при церкви Святой Троицы на берегу Гудзона, в Манхэттене, откуда позже его перевезут на кладбище в Венеции.

Через день после похорон в просторном помещении церкви на Вашингтон-сквер, вместившем несколько сот человек, состоялся вечер памяти поэта. Выступали Петр Вайль, Евгений Рейн, Александр Кушнер. Звучали слова глубочайшей любви к человеку, поэту, русской поэзии, слова благодарности герою.

П. Вайль сказал в заключение: "Когда я выразил сожаление в разговоре с одним из своих друзей, что, мол, как жаль, я не успел вас познакомиться с Бродским, тот ответил: «Неважно, у меня все равно не было человека ближе»".

ЛИДИЯ ПАНН

Нью-Йорк

прошел в зал, где прощались.

Он был бы благодарен своему старому другу польскому поэту, лауреату Нобелевской премии Чеславу Милошу, прилетевшему из Калифорнии, за силы, которые собрал этот старый человек, чтобы проделать долгий путь и пройти к другу — коснуться губами его высокого лба и проводить в последний путь, за его слезы.

Ирене Грузинской-Гросс, издавшей недавно тонкую книгу его

для книги и самому же их перевести. Веронике Штейн-Туркиной, которая долгие годы переправляла в Россию его книги, изданные на Западе, и многим-многим другим, которые прошли в эти два дня мимо его гроба.

Самой России за все свои баракы, суды и изгнание он успел выразить благодарность. Суметь бы и нам взойти хоть к подножию его способности быть благодарным.

1 февраля в Нью-Йорке состоялось отпевание Иосифа Бродского в епископальной церкви в Бруклине, на котором присутствовала семья поэта и самые близкие друзья. В православной церкви Христа Спасителя священник о. Михаил Меерсон отслужил панихиду.

Гроб с телом поэта установлен в склепе на кладбище при храме Св. Троицы на Манхэттене на берегу Гудзона при пересечении 153 стрит и Риверсайд Драйв. Срок погребения в Венеции (Италия) семья не указывает.

Нью-Йорк простился с Иосифом Бродским. Два дня на Бликер-стрит, на одной из самых оживленных улиц Гринвич-Виллиджа, неподалеку от Мортон-стрит, где Иосиф Бродский прожил большую часть своей двадцатилетней нью-йоркской жизни, толпились люди, говорящие по-русски. Им пришлось увидеть невозможное, абсурдное — мертвого Бродского.

В жизни каждого человека периодически случаются события, как бы делящие жизнь на "до" и "после". Какое-то время такое неожиданное событие поминутно требует подтверждения своей достоверности; идут дни, недели, месяцы, и вдруг оказывается, что незаметно настал момент, когда уже нужно убеждать себя в противоположном, когда уже с усилием и сжатием сердца воскрешаешь в себе ощущение жизни, не отмеченной этим событием.

В Нью-Йорке мы все еще на этой ничейной полосе между "до" и "после", мы все еще не можем поверить в то, что видели собственными глазами. Для многих из нас смерть Бродского явилась двойной утратой — не только первого поэта нашей эпохи, поэта нашего поколения, нашего поэта, то есть постоянного собеседника, но и одноклассника, — теперь можно признаться в незаконной гордости быть, вернее, чувствовать себя его собратом по жизни в этом Вавилоне:

Автостадо гремит; и глотает
свой кислород,
схожий с локтем на вкус,
углекислый рот;
свет лежит на зрачке, точно
пыль на свечном огарке.

Голова болит, голова болит.
Ветер волосы шевелит
на больной голове моей
в буре парке.

Это из первых впечатлений о Нью-Йорке (1974), из его самого, по-моему, жуткого (не метафизически, а просто физически) стихотворения "Над Восточной рекой".

Но многие непривлекательные сложности этого города уравновешивались одним качеством, ценным Бродским вообще в Америке и столь окрасившим его позднюю, предельно стоическую поэзию: "Нам все пытаются доказать, что мы — центр существования, что о нас кто-то думает, что мы в каком-то кино в главной роли. Ничего подобного. И вот этим мне Штаты колоссально нравятся. Здесь человек узнает себе цену, уровень возможности — номинал, да, номинал. Я как-то водил знакомую из Англии по Нью-Йорку. И она сказала: "Чем замечательно все это — это тем, что сообщает тебе твой подлинный размер". (...) Нью-Йорк я ощущаю своим городом — настолько, что мне не приходится в голову что-то пи-

Пустоту, оставшуюся после его ухода, нам не заполнить ничем. Только благодарностью за то, что он был. Отныне и во веки нам остаются его стихи.

АЛЕКСАНДРА СВИРИДОВА

Нью-Йорк

Фотографии Марка Копелева.

Среди пришедших проститься — Чеслав Милош...

скорбно стоящей на тротуаре очереди пришедших проститься с Иосифом Бродским друзей и читателей.

Он сумел быть благодарным при жизни за все — и за "кликуху", и за гвоздь, которым выжигал ее на стене барака, и за сам барак. Умонепостижима и недосыгаема высота, на которую он поднялся духом, чтобы быть НАД схваткой, ВЫШЕ земных мелочных счетов — с государством, его институтами, гражданами. "Взять нотой повыше" — советовал он, если будет невозможно.

Думаю, что он бы и сейчас был благодарен солнцу в холодном январском небе и этой веренице малознакомых ему людей, которые были с ним хорошо знакомы по его стихам и эссеистике. Был бы благодарен за эти цветы, которые ложатся к подножию гроба, установленного на возвышении в зале Похоронного дома, где двое суток подряд идет гражданская панихида.

Был бы благодарен друзьям — знаменитому танцовщику Михаилу Барышникову и известному писателю Юзу Алешковскому, которые просидели плечом к плечу весь долгий тяжкий день прощания у его гроба. Был бы благодарен друзьям времен питерской юности, поэту Евгению Рейну — за то, что тот прилетел проститься из России; поэту Льву Лосеву — что он оставил своих студентов в Дартмуте и приехал; Роману Каплану, создавшему с его помощью популярный в городе ресторан "Русский самовар", за то, что вечером он собрал всех заплаканных и промерзших помянуть его по старой русской традиции.

Был бы благодарен жене, а теперь вдове Марии за то, что она передала его волю не снимать его в гробу, и служители Похоронного дома на Бликер честно следили за тем, чтоб никто с камерой не

...Юз Алешковский, Михаил Барышников, Лев Лосев...

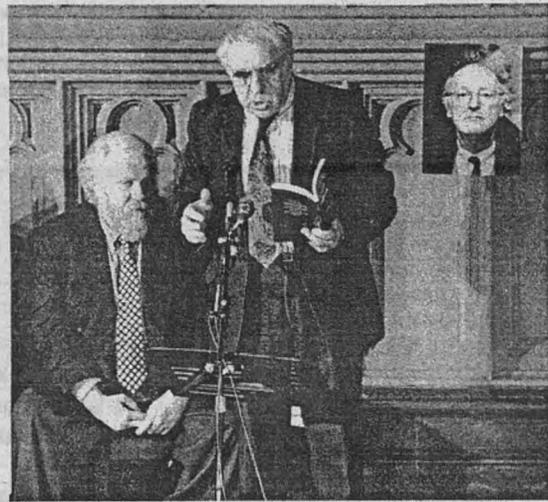

...Маша Воробьева.

лекций, прочитанных в университете, он успел выразить благодарность словами, оставив одно из последних сообщений на ее автоответчике. Она не успела перезвонить...

Профессору Вассар-колледжа Маше Воробьевой он был бы благодарен не только за то, что она в этот день прощания была рядом, но и за долгие годы дружбы и за уют, который она давала ему в своем доме, где во второй день прощания с Бродским собрались на поминки друзья.

Переводчику и соредктору английской версии антологии русской поэзии XX века "Строфы века" профессору Альберту Тодду он был бы благодарен за карт-бланш, который Тодд дал ему, предложив самому отобрать стихи

Евгений Рейн читает стихи на вечере памяти Иосифа Бродского. Рядом Петр Вайль.

Нью-Йорк, Бликер-стрит. Двое суток приходили друзья и читатели проститься с поэтом.